

Ю. В. Пуцаев

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ М. В. ЛОМОНОСОВА,
МОСКВА, РОССИЯ

Программа лево- консервативного синтеза или социал-традиции А. В. Щипкова: её возможности, условия и трудности¹

Аннотация. В статье анализируется концепция социал-традиции и программа левоконсервативного синтеза, выдвинутые политическим философом, публицистом и общественным деятелем А. В. Щипковым. Они оцениваются как логичная и соответствующая русской истории XIX–XX веков попытка сформулировать для современной России актуальную консервативную идеологию, опираясь на её исторический опыт и социальную почву. Термин «социал-традиция» аналогичен термину «левоконсервативный синтез», где приставка «социал-» нагружена позитивным умеренным левым содержанием, насколько его можно мыслить возможным для соединения с традиционным, исторически консервативным содержанием. А термин «традиция» характеризует здесь то, что в данной концепции понимают под консерватизмом и консервативностью. Отмечается важность советской темы, правильной оценки советского периода русской истории

---

¹ Данная статья является расширенной и переработанной версией статьи Ю. В. Пуцаева «Левоконсервативный синтез А. В. Щипкова», опубликованной в журнале: Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 3: Философия. Реферативный журнал. — 2019. — № 1. — С. 27–36.

для успешной возможности данного синтеза. В статье вкратце говорится о предшествующих в истории русской общественной мысли попытках синтеза социализма (левого начала) и консерватизма (традиции или традиционализма). Отмечается та трудность этой программы, что левая традиция требует тотального равенства, как экономического, так и социального, в то время как классический консерватизм всегда настаивал на принципах иерархии и сословного общества. В этой связи отмечается сущностная эклектичность данной программы А. В. Щипкова. В то же время подчёркивается, что время цельного классического консерватизма, прямо опиравшегося на религию и сословное общество, безвозвратно ушло. Сегодня мы в каком-то смысле обречены на эклектичный консерватизм, на попытки сочетать разнородное. Социал-традиционализм или левоконсервативный синтез, во-первых, берёт лучшее из разных идеологий и, во-вторых, соответствует русской истории XIX–XX веков. Идеологическая цельность уходит вместе с «веком идеологий», а на его смену неизвестно на какое время приходит идеологический эклектизм как переходная ступень к чему-то новому и пока неведомому.

Ключевые слова: социал-традиция, левоконсервативный синтез, консерватизм, социализм, советская эпоха, традиция, справедливость

Для цитирования: Пущаев Ю. В. Программа левоконсервативного синтеза или социал-традиции А. В. Щипкова: её возможности, условия и трудности // Ортодоксия. — 2022. — № 2. — С. 48–70. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-48-70

Концепция социал-традиции, выдвинутая известным политическим философом, публицистом и общественным деятелем А. В. Щипковым, во многом схожа с им же ранее выдвинутой программой левоконсервативного синтеза. Как нам представляется, в основных своих предпосылках, тезисах и выводах они говорят примерно об одном и том же. Это попытка сформулировать для современной России актуальную консервативную идеологию, опираясь на её исторический опыт и социальную почву. А последнее и диктует необходимость определённого синтеза опыта исторической дореволюционной России и России левой (советской или просоветской) в их противостоянии агрессивной буржуазно-либеральной западной цивилизации. В этом смысле, можно сказать,

подобная программа напрашивается сама собой и её возникновение логично и ожидаемо — в хорошем смысле этого слова. На что же нам ещё опираться, как не на собственный исторический опыт и не на попытку увидеть некую единую линию в противоречивой русской истории?

Двусоставной термин «социал-традиция», на наш взгляд, аналогичен также двусоставному термину «левоконсервативный синтез», где приставка «социал-» нагружена позитивным умеренным левым содержанием, насколько его можно мыслить подходящим для соединения с традиционным, исторически консервативным содержанием. А термин «традиция» характеризует здесь то, что в данной концепции понимают также под консерватизмом и консервативностью.

Именно левый консерватизм или социал-традиционализм, по мысли Шипкова, должен сегодня стать основным направлением современного консерватизма в нашей стране. Это позволит наконец-то ответить на существующий мощный, но пока ещё неудовлетворённый, общественный запрос на консервативную идеологию, которая ставила бы во главу угла, как говорит наш автор, национальный суверенитет, солидарность, умеренный эгалитаризм, сильное государство. Сейчас в обществе, публицистике и научных кругах существуют очевидный разнобой и разномыслие относительно того, что же именно понимать под нынешним российским консерватизмом и какой консерватизм сегодня наиболее адекватен нынешней России, её историческим традициям и особенностям.

Как свою программу в кратком виде определяет сам автор, о каком именно консерватизме в данном случае он ведёт речь? Приведём тут следующую цитату:

«Встаёт вечный вопрос: а что консервировать в России — стране с неоднократно прерванной традицией? Этот самый разрыв? Монархию и другие реликтовые институты, не пережившие XX век? Рухнувший позднесоветский проект? Неолиберальный курс нынешней власти?

Возрождение исторических реликтов — заведомо проигрышная стратегия. Ностальгию можно утешать, но нельзя применить к политическому строительству...

...Русское сознание отнюдь не анархично. Оно религиозно в самом широком смысле этого слова (“тоска по сакральному”) и нравственно, несмотря на весь сегодняшшний аморализм, льющийся с телеэкранов и мониторов. Основная русская моральная ценность — справедливость. Обществу близка идея справедливости и социального равенства.

Её разделял дореволюционный крестьянский “мир”. Её разделяет и подавляющая часть населения современной России.

Природный русский консерватизм всегда соединял Традицию и Справедливость — “вечные ценности” и стремление к социальному равенству.

Сегодня это соединение можно определить как левоконсервативный консенсус» (Щипков 2013: V).

Таким образом, соединение справедливости и социального равенства (левая составляющая) и русских традиций (правая, или консервативная, составляющая) — вот что такое левоконсервативный синтез по А. В. Щипкову в самом кратком его изложении. Это же применимо, надо думать, и к его концепции социал-традиции.

Связанные с левоконсервативной программой идеи высказываются, во-первых, в публицистическом сборнике статей «По-другому», составителем и идейным вдохновителем которого тоже был А. В. Щипков. Впрочем, называть эту книгу сборником не совсем правильно, потому что она, в свою очередь, состоит из собранных под одной обложкой сразу трёх сборников, вышедших в разные годы: «Перелом» (2013), «Плаха» (2015) и «Язык» (2017). Участие в них приняли большей частью одни и те же авторы. Всех их, при всей вариативности их позиций, можно условно отнести к консервативно-патриотическому направлению в современной общественно-политической публицистике. И эти же идеи левоконсервативного синтеза Щипков высказывает в книге «Социал-традиция», вышедшей в 2017 году (Щипков «Социал-традиция» 2017), и в ряде других своих работ.

В Предисловии к тройственному сборнику «По-другому» Щипков отмечает, что замысел книги возник в конце «нулевых» годов, когда начал притормаживать очередной радикальный эксперимент над нашим народом, и почувствовалось, что «впереди время больших перемен, время перестройки западного мира и смены его мировоззренческой парадигмы» (Щипков «От составителя» 2017: 5). Появление этого сборника, подчёркивает он, было обусловлено «способностью участников проекта говорить и писать вопреки давлению “форматной” политики, как лоялистской, так и оппозиционной» (Щипков «От составителя» 2017: 6). Это совпало с высокой, по его мнению, вероятностью начала движения мира «от статусного потребления и глобализации в сторону более человеческой модели, сочетающей социальную политику и дух традиционных ценностей» (Щипков «От составителя» 2017: 5).

Если «Перелом» был написан о возможности симбиоза консервативных и левых идей на базе «православной этики и духа солидаризма», то второй сборник — «Плаха» — был посвящён проблеме русской идентичности и риска её утраты, трагедии русского народа в XX веке и современных вызовах. Как утверждает Щипков, консерваторы и левые в рамках этого проекта чувствовали себя под одной крышей, легко находили общий язык и даже обнаруживали общие ценности.

Тем не менее, заметим, даже среди авторов «Плахи» есть и те, кто однозначно стоит на стороне «красных» (С. Ф. Черняховский), и те, кто настроены скорее антикоммунистически и по-антисоветски (А. М. Малер), что дополнительно, ещё раз демонстрирует огромную трудность намеченного синтеза.

Развёрнутое представление о том, в чём именно состоит программа левоконсервативного синтеза, даёт занимающая центральное место в сборнике «Перелом» статья А. В. Щипкова «Левый консерватизм». В самом начале статьи автор констатирует, что консервативное направление в российской политике является самым проблемным. Он верно замечает, что, в отличие от левых и либералов, русский консерватор постоянно стоит перед проблемой самоидентификации: какие ценности отстаивать, что сохранять и «консервировать»? Национальная традиция, взятая почти в любой момент времени, выглядит как отрицание ценностей предыдущего исторического периода, и прерывание традиции уже само превратилось в традицию. Причём именно правящий класс уже несколько раз в истории России запускал сценарий прерывания традиции.

В постсоветский период общество, отказавшись от советской идентичности, не обрело никакой другой. Соответственно, возникает вопрос вопросов современного русского консерватизма: что же «консервировать» в России — в стране с неоднократно прерванной традицией?

А. В. Щипков выстраивает типологию современного консерватизма, пытаясь в общих чертах охарактеризовать разноголосицу взглядов в этом лагере:

1. Антикварный консерватизм, ориентированный на тот или иной фрагмент исторической реальности (например, монархисты).
2. Консерваторы-резонёры, предлагающие идеалистические и оторванные от реальной жизни программы.
3. Консерваторы советского типа, чья странность в том, что они наследуют доктрине исторического нигилизма — традиции отказа от традиции.

4. Евразийская доктрина, включающая отчётливую антизападную риторику в сочетании с мультикультурализмом, но не имеющая политической программы.
5. Либерал-консерваторы, которые находятся если не во власти, то при власти. Придерживаются державно-патриотической риторики, не отрицая при этом либерального курса (сырьевая экономика, сворачивание социальных программ, вывоз капитала из страны и зависимость от мировых финансовых центров). Здесь, по сути, консервируется российский полулиберальный режим образца до 24 февраля 2022 года.
6. Симулятивный консерватизм: карнавальные консерваторы-националисты, приверженцы вольных и невольных политических перформансов, создающие политические симулякры и карикатуру на нормальный консерватизм.
7. Консерваторы-интеллектуалы, которые погружены в теорию консерватизма, но далеки от политической практики.
8. Церковные и околоцерковные консерваторы, чьи возможности ограничены, поскольку Русская Православная Церковь по закону отделена от государства и не имеет права создавать политические организации, а священники не могут избираться на государственные должности.

По поводу своей типологии автор говорит, что в ней легко заметить неприятную закономерность: «Каждая из перечисленных групп либо отделена от реальной политики, либо скрывает под вывеской консерватизма иное политическое содержание» (Щипков «Левый консерватизм» 2017: 48).

В связи с этим автор ставит вопрос, какая же позиция на российском политическом поле является объективно консервативной? Подлинный консерватизм, по мнению нашего автора, — это лояльность традиции, а не власти. Он подчёркивает, что для настоящего консерватора союз с властью возможен лишь тогда, когда она охраняет и развивает традицию. По его мнению, например, в странах третьего мира именно власть является революционным, а не консервативным элементом, поскольку защищает и стабилизирует неравноценный обмен (сырьё в обмен на производственную и высокотехнологичную продукцию + идеологии), а умеренные социалисты или солидаристы, напротив, являются подлинно консервативной силой. И в то время как подлинные консерваторы, так и подлинные левые вытеснены за границы реальной политики, «ряженные»

консерваторы выдают стабилизацию враждебному обществу режима за любовь к порядку. «Более того, поднимать вопрос о соотношении консерватизма и левой идеи явно не желают ни системные левые, ни системные “консерваторы”, повязанные политическим консенсусом. Сегодня это одна из главных фигур умолчания в российской политике» (Щипков «Левый консерватизм» 2017: 49).

Однако правые традиционалисты, по мысли А. В. Щипкова, могут и должны выдвинуть требование вернуть нормы традиционной нравственности, а умеренные левые — требования социальные. И, как считает Щипков, эти требования неизбежно совпадут. Это и есть, по его мнению, сегодняшняя «точка схода» консерватизма и левой идеи. При этом подчёркивается, что в данном случае имеется в виду социализм в его умеренном, не большевистском варианте. Для этого автор советует осуществить расщепление внедрённых в единой связке советским агитпропом понятий «коммунизм» и «социализм», и тогда левое течение неизбежно начнёт дрейфовать в сторону консервативной идеологии. Такой социализм не отрицает право на частную собственность, а лишь выступает против крупного капитала и транснациональной финансовой олигархии. Он выступает за государство с широкими социальными гарантиями и экономическим суверенитетом. А поскольку всё это возможно лишь при опоре на государство и традиционные модели социальной коммуникации, то такой социализм отстаивает сильное национальное государство и поддерживает активную социальную роль Церкви и укрепление института семьи. Так, понятый социализм, по мнению Щипкова, уже неотделим от традиционализма.

Таким образом, говорит автор, консерваторам надо поддержать социальные требования большинства в связи с тем, что они соответствуют требованиям общественной нравственности. «Сочетание социальных требований и нравственных ценностей — единственный путь, позволяющий русскому консерватизму выйти из исторического тупика, в котором он оказался не по своей воле» (Щипков «Левый консерватизм» 2017: 53). Как в связи с этим замечает А. В. Щипков, уже можно наблюдать подвижки в риторике некоторых левых партий, обращающихся к религиозным и семейным ценностям. В то же время в определённой части консервативного лагеря появляется интерес к левой политике. Слова о социальной справедливости уже нередко звучат из уст представителей РПЦ.

В качестве своих исторических предшественников Щипков называет славянофилов, консервативных народников и ту умеренную часть эсеров, которая не была склонна к насильственно-террористической деятельности, а также немецких социал-консерваторов, идеологов «консервативной революции». Особое значение, по его словам, имеет рассказ о принципах жизни первой христианской общины в «Деяниях Святых апостолов». В плане же политической практики, говорит Щипков, левый консерватизм отвергает эксплуатацию большинства народа, наличие бедняков и миллиардеров в справедливой стране, хотя там могут быть разные уровни дохода. Защита государством личной и частной собственности отнюдь не означает, по Щипкову, свободы капитала, а рыночная экономика не означает рыночного общества. В справедливой стране невозможны такие явления, как сокращение пенсий, платное образование и здравоохранение, оскорбление народной памяти (истории) и религиозных чувств, ювенальная юстиция и узаконенные сексуальные извращения.

Насчёт тех сил, которые сегодня препятствуют предлагаемому левоконсервативному синтезу, Щипков говорит, что это либералы и коммунисты-ортодоксы, которые в некоторых ситуациях на удивление легко находят общий язык.

Мы бы со своей стороны добавили к убеждённым противникам левоконсервативного синтеза сегодняшних радикальных противников и критиков советского периода истории, своего рода профессиональных любителей антисоветизма. Этот лагерь не особо влиятелен, его сторонники малочисленны. В основном они являются представителями высокообразованных слоёв, которые в силу своей профессии, интересов и т. д. очень много знают о дореволюционной России, и у них Россия ушедшая вытесняет Россию реальную, в том числе Россию недавнего прошлого. Они игнорируют то, что для широких слоёв населения консерватизм, хранение страны и память о прошлом («любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам») будут пустыми абстрактными занятиями, если они не наполнены более или менее недавним историческим опытом, связанным для нас сегодня всё-таки преимущественно с советской эпохой. Однако антисоветская риторика представителей этого лагеря в силу своей радикальности и чёрно-белого взгляда на советское время отпугивает любых левых. Последние по определению будут позитивно оценивать хотя бы некоторые стороны и аспекты советской эпохи, но тотальная

критика и бескомпромиссное отвержение любых её сторон и явлений тоже обрубивает саму возможность левоконсервативного синтеза.

Декларируемое тотальное отвержение советского периода истории носит преимущественно книжный отвлечённый характер. Оно не может найти широкого отклика и политической поддержки у народа, поскольку в живой памяти ещё остаются советские социальные блага (бесплатные здравоохранение и образование, бесплатное жильё и низкая квартплата, и т. д.). Да и сам нынешний народ — это продолжение советского народа, следующие его поколения. В этом смысле советский опыт действительно неотменим, «похищение сабинянок» состоялось (Сигал 1991), а для политика и идеолога умение исходить из данности — это *conditio sine qua non*².

Так что проблема социал-традиционализма или левоконсервативного синтеза в сегодняшних условиях остро ставит вопрос и об оценке советского периода истории, требует ответа на вопрос, на какой основе возможно его объединение с дореволюционным периодом как двух этапов единой истории. Что на этот счёт считает наш автор? Этой проблемы Щипков касается в статье «Похищение русской идентичности» в сборнике «Плаха». Как он там говорит, оба мира — дореволюционный и советский, — исторически сошедшиеся в непримиримой схватке, имеют тем не менее общие корни, и оба они одинаково отражают русскую идентичность. Автор считает, что в основе этой русской идентичности лежит императив поисков или построения «царства правды», где никто не лишний, не строит своё счастье на несчастье другого, все объединены духовными узами и общими задачами. Образы «Святой Руси» и образ «общества равенства и братства», утверждает он, — это разные проекции и части одного целого. По мнению Щипкова, оба они восходят к концепции Третьего Рима и византийскому наследию, представляя собой то общее, что не смогла расщепить до конца даже революция. «Цели общественного строительства (советский социализм) и коллективного спасения (соборность) — это расходящиеся вариации на одну и ту же тему. Режимы и правительства приходят и уходят, секулярность и религиозность сменяют друг друга в самых причудливых формах, идеология меняет знаки, а эта эсхатологическо эгалитарная византийская матрица остаётся в исторической памяти. Она — неделимое целое» (Щипков «Похищение русской идентичности» 2017: 136).

² Необходимое условие (*лат.*).

Однако подобное прямое возведение советского образа «общества равенства и братства» как части единого целого к концепции Третьего Рима и византийского наследия вызывает вопросы. Тут совсем опускается революционно-антитрадиционалистское происхождение советского общества, его идеологии, то, что идеалы социального равенства и братства провозгласила сначала Великая французская революция 1789 года, но отнюдь не византийская империя и Святая Русь. Если, как настаивает автор, Россия советская и досоветская являются частями единого целого, то надо развёрнуто и подробно показать, как дореволюционные духовно-нравственные ценности трансформировались в советские и почему их прямая встреча вызвала ожесточённую гражданскую войну. В этом смысле мы считаем, что неверно говорить, что оба мира — дореволюционный и советский — имеют общие корни и оба одинаково отражают русскую идентичность. Марксизм был западным учением эпохи Просвещения, с его атеизмом, прогрессизмом и левым глобализмом. Да, русский коммунизм сложился так, что марксизм не мог не учесть свойства «русской почвы», адаптироваться и подладиться под неё, но в то же время антагонизм его с исторической Россией был огромен, и размышления на тему соотношения России дореволюционной и России советской очевидно требуют углублённого продолжения. Мы в этом пока далеки от даже промежуточного результата, который можно было бы считать удовлетворительным.

Тем не менее, конечно, автор прав, когда говорит, что постсоветская модель компрадорского капитализма по своим структурным и ценностным параметрам противоречит реальному историческому опыту народа. Тем не менее, с течением времени, сегодня граждане России стали всё больше проникаться культом денег и индивидуализма, и даже идущее столкновение России с Западом этого не остановило: «Либеральная картина мира характерна как для элиты (социальный инжиниринг, релятивизм, миф о цивилизационном превосходстве), так и для масс (статусное потребление). В последнем случае либерализация образа мысли и мировосприятия происходит на уровне социальных рефлексов и привычек, идиоматики бытовой речи и т. п., хотя носитель либеральной идентичности вполне может считать себя антилибералом по политическим взглядам. Идентичность либерализма выходит далеко за рамки либеральных убеждений» (Щипков «Социал-традиция» 2017: 66).

В современной России, говорит Щипков, поощряется разрыв советского и антисоветского, «красных» и «белых», секулярного и религиозного, «староверов» и «никониан». На месте каждого такого разрыва возникает вакуум идентичности. В этом состоянии народу становится возможным навязать мифы о коллективной исторической вине, неспособности русских к самоорганизации, об их «генетическом рабстве» и даже склонности к «фашизму». Всё это, по мнению Щипкова, свидетельствует о том, что всё российское общество переживает глубокий кризис идентичности, в составе которой остаётся ряд невосполнимых лакун.

* * *

Скажем немного и о тех трудностях, которые, на наш взгляд, стоят перед программой социал-традиционализма или левоконсервативного синтеза.

Первая проблема, по нашему мнению, связана с вопросом, чем собственно является социал-традиционализм — это только политическая идеология или ещё и определённое мировоззрение, которое подразумевает конкретную традицию? На наш взгляд, всё же скорее первое. В мировоззренческом плане это скорее некая общая политическая платформа или площадка, своего рода союзный «народный фронт» представителей разных традиций в обществе и политике против общего врага. Но как мировоззрение это некая абстракция, совокупность отвлечённых общих признаков от разных традиций и связанных с ними мировоззрений. Поэтому, скорее всего, в рамках этой общей программы неизбежны довольно непростые отношения между этими традициями, порой трения и даже значительные несогласия. Таким образом, в случае с социал-традиционализмом речь идёт о разных мировоззренческих традициях, исторически соперничающих между собой, но сегодня вынужденно ставших союзниками. Однако выработка общей политической линии и платформы в данных условиях становится очень непростым делом, требует огромного политического искусства балансировки и дипломатии, ведь одновременно тут требуется и способность не поступаться своими мировоззренческими принципами, если мы не хотим, чтобы в итоге речь стала идти о чём-то синкретическом и размытом. Социал-традиционализм не должен склонять к такому синтезу, в котором пропадают всякие, в том числе принципиальные и фундаментальные отличия между разными традициями.

Другая трудность, на наш взгляд, связана с самой принципиальной возможностью соединения левого и правого, социализма и консерватизма. Столь разнородных идеологических и политических начал, что традиционно они почти всегда были соперниками в истории. Хотя были и попытки синтеза, однако скорее как намётки, поиски «третьего пути» — но вне магистрального русла истории идей и политических движений в XIX–XX веках. На самом деле эта проблема имеет свою богатую историю и в русской общественной мысли. Напомним об отдельных её моментах. Например, о возможности и желательности синтеза социализма с религией и даже «пламенной мистикой» в будущей русской истории строил свои осторожные, но довольно проницательные предположения выдающийся русский мыслитель К. Н. Леонтьев³.

Или о консервативном социализме в ходе полемики с критиком-народником Н. К. Михайловским спрашивал великий русский писатель Ф. М. Достоевский: «Г-н Н. М. в первый раз поразил моё внимание своим отзывом о моих отзывах о Белинском, социализме и атеизме, а потом о моём романе “Бесы”. Отвечать ему по поводу моего романа я немного упустил время, хотя и хотел было; но о социализме непременно отвечу <...> Главное, никак не могу понять, что хотел мне сказать г-н Н. М., уверяя меня, что социализм в России был бы непременно консервативен? Не думал ли он меня этим как-нибудь утешить, предположив, что я консерватор во что бы ни стало. Смею уверить г-на Н. М., что “лик мира сего” мне самому даже очень не нравится. Но писать и доказывать, что социализм не атеистичен, что социализм вовсе не формула атеизма, а атеизм вовсе не главная, не основная сущность его, — это чрезвычайно поразило меня в писателе, который, по-видимому, так много занимается этими темами <...> Об г-не же Н. М. я именно вспомнил потому, что всё хочу ему ответить, но никак не удаётся» (Достоевский 1980: 157).

Достоевский тут имел в виду сразу несколько суждений Михайловского, связанных с его романом «Бесы» и социализмом. Михайловский, во-первых, упрекал Достоевского, что тот просмотрел любопытнейшую черту нашего времени, что позоримый Достоевским в «Бесах» социализм, по мнению Михайловского, «совпадает с некоторыми по крайней мере элементами народной русской правды» (Михайловский 1896: 871).

В другом месте Михайловский поясняет, что он понимает под совпадением социализма с «некоторыми по крайней мере элементами народной

³ См., например: (Пуццаев 2019).

правды»: «Экономическое зерно социализма не представляет у нас, в России, учения революционного, так как большинство нашего народа владеет продуктами своего труда и достигает это при помощи ассоциации — поземельной общины» (Михайловский 1873: 160).

Поэтому, по Михайловскому, это в Европе рабочий вопрос есть вопрос революционный, ибо там он требует передачи условий труда в руки работника и экспроприации теперешних собственников. Но рабочий вопрос в России, утверждал он, есть вопрос консервативный, ибо тут требуется только сохранение условий труда в руках работника, гарантия собственникам их собственности. Как народник Михайловский подчёркивал, что «коренные начала русской экономической жизни не требуют революции, изменения направления своего течения. Требуется только развитие этих начал. Будут ли при этом баррикады или нет, это всё равно, т. е. в том смысле всё равно, что не изменяет консервативного характера русского рабочего вопроса. С другой стороны, революция может совершиться и под звуки марсельезы и под звуки всякой другой песни» (Михайловский 1896: 736).

К сожалению, Достоевский не исполнил своего намерения и больше ничего так и не написал Михайловскому в ответ на тему консервативного социализма. Она, так задевшая Достоевского, по его собственному признанию, осталась у него без продолжения. Но можно предположить, что он в рассуждениях Михайловского на тему русского социализма увидел своё, что лично волновало его. Если для Михайловского указания на консервативность русского социализма сводились к социально-экономическим условиям, к земельной общине как основе будущего социального устройства, то Достоевского, вероятно, особенно интересовал вопрос, может ли социализм и правда быть не атеистичен, если его вдруг назвали консервативным. Ведь классический консерватизм всегда связан с признанием роли религии в обществе как первоочередной, фундаментальной. «Религия — краеугольный камень охранения», как говорил К. Н. Леонтьев.

Некоторые советские литературоведы и исследователи творчества Достоевского отмечали, что его интерес к данной проблематике связан с социалистическими увлечениями молодости Достоевского и с предполагавшимися Леонтьевым полуеретическими оттенками его христианской мысли, допускавшей возможность «золотого века» и установления Царства Божия на земле: «На Достоевского аргументация Михайловского

произвела глубокое впечатление. Ему показалось, что он нашёл наконец формулу, соединяющую воедино и пленительность увлечений его молодости, и отрицание революции. Он увидел воскрешёнными позиции “Времени”. Ему почудилась возможность соединения несоединимого — примирения враждующих лагерей русской общественности, создания смеси из учений социализма и христианства, изменения лика мира сего путём прививки к монархии “золотого века”» (Кирпотин 1976: 192).

Вспомним тут и знаменитый фрагмент из «Дневника писателя» Достоевского о «нашем русском социализме»: «Вся глубокая ошибка их в том, что они не признают в русском народе церкви. Я не про здания церковные теперь говорю и не про причты, я про наш русский “социализм” теперь говорю (и это обратно противоположное церкви слово беру именно для разъяснения моей мысли, как ни показалось бы это странным), — цель и исход которого всенародная и вселенская церковь, осуществлённая на земле, поколику земля может вместить её. Я говорю про неустанную жажду в народе русском, всегда в нём присущую, великого, всеобщего всенародного, всебратского единения во имя Христово. И если нет ещё этого единения, если не созиделась ещё церковь вполне, уже не в молитве одной, а на деле, то всё-таки инстинкт этой церкви и неустанная жажда её, иной раз даже почти бессознательная, в сердце многомиллионного народа нашего несомненно присутствуют. Не в коммунизме, не в механических формах заключается социализм народа русского: он верит, что спасётся лишь в конце концов всесветным единением во имя Христово. Вот наш русский социализм! Вот над присутствием в народе русском этой высшей единительно-“церковной” идеи вы и смеётесь, господа европейцы наши» (Достоевский 1984: 18–19).

* * *

Как видим, фундаментальный для русского общества и русской истории XIX–XX веков вопрос о том, можно ли соединить социализм с консерватизмом и может ли, в частности, социализм быть не атеистичен, быть традиционным, вплотную вставший перед русской мыслью уже во второй половине XIX века, остаётся дискуссионным вплоть до сегодняшнего дня. В эту сторону смотрит и вновь поднимает эту проблематику, но уже на новом, постсоветском витке русской истории, представленная программа социал-традиционализма или левоконсервативного

синтеза А. В. Щипкова. Удайся такой синтез консерватизма и социализма, и в созданном в соответствии с ним обществе, с одной стороны, воплотился бы сформулированный апостолом Павлом принцип «кто не работает, тот не ест». В таком обществе не было бы всевластия денег и кричащего социально-экономического неравенства. С другой стороны, отношения между людьми, семейные и прочие, были бы традиционными в высоком, хорошем смысле этого слова. Религия и традиция освящали бы повиновение властям не за страх, а за совесть, жертвенную заботу власти о подвластных и правильную иерархию внутри семьи (покорность детей родителям, жены мужу).

Но громадная трудность, которая тут встаёт, заключается в том, что для левой мысли всегда было одинаково важно равенство и в экономическом, и в социально-политическом смысле. Может ли левая мысль отступить от требования и общественного равенства?

Кроме того, и это связано с постулатом общественного равенства, левая мысль принципиально отвергает трансцендентные источники власти и истории. Для неё источники власти и истории лишь имманентны — это народ и естественные законы истории. Классическая же консервативная традиция всегда подчёркивала, во-первых, ценность и/или необходимость социального неравенства и сословного общества. Во-вторых, она всегда понимала власть и историю как опирающиеся всегда на сверхчеловеческую, божественную санкцию и промысл. Если в идеальных представлениях левых правильное общество — это общество равных друг другу индивидуумов, то у традиционных, классических консерваторов общество всегда иерархично, и в этом смысле консерватизм отвергает равенство.

О громадной привлекательности такого синтеза, но и о связанных с ним трудностях говорил знаменитый английский христианский мыслитель, богослов и писатель Клайв Стейплз Льюис в своём труде «Просто христианство». Для начала он подчёркивает, что именно таким и должно быть истинно христианское общество. Прочитируем из данного труда Льюиса довольно большой фрагмент, посвящённый, осмелимся сказать, нашей теме левоконсервативного синтеза или социал-традиционализма:

«И тем не менее Новый Завет, не вдаваясь в детали, даёт нам довольно ясный намёк на то, каким должно быть истинно христианское общество. Возможно, он даёт нам немного больше, чем мы готовы принять. В Новом

Завете говорится, что в таком обществе нет места паразитам: “Кто не работает, пусть не ест”. Каждый должен трудиться, и труд каждого приносит пользу; такое общество не нуждалось бы в производстве глупой роскоши и в ещё более глупой рекламе, убеждающей эту роскошь покупать. В таком обществе нет чванливости, самовосхваления, притворства.

С одной стороны, христианское общество соответствовало бы идеалу сегодняшних “левых”. С другой — христианство решительно настаивает на послушании, покорности представителям власти, которые соответствуют занимаемой должности, на покорности детей родителям и (боюсь, это требование уж очень непопулярно) покорности жён своим мужьям.

Кроме того, это общество должно быть жизнерадостным. Беспокойство и страх в нём — отклонение от нормы. Естественно, члены его взаимно вежливы друг с другом, ибо вежливость — тоже одна из христианских добродетелей.

Если бы такое общество действительно существовало и нам с вами посчастливилось бы его посетить, оно произвело бы на нас любопытное впечатление. Мы увидели бы, что экономическая политика напоминает социалистическую и по существу — прогрессивна, а семейные отношения и стиль поведения выглядят довольно старомодно — возможно, они даже показались бы нам церемонными и аристократическими. Каждому из нас понравилось бы что-то, но, боюсь, мало кому понравилось бы всё как есть» (Льюис 2020: 189–190).

Льюис в последних словах пронизательно, на наш взгляд, указывает на то, что людям по отдельности как представителям в целом типа или вида человека раздробленного и естественного, как потомкам падшего Адама понравились бы лишь отдельные стороны такого общества: одним — социально-экономическое равенство («левые»). Другим — правильная иерархия и правильное повиновение в отношениях между людьми («правые»). Но совместить эти две половинки в единое целое, создать его, принять и поддерживать в полную действенную меру тому или иному человеку одновременно вряд ли будет под силу. Одновременное наличие экономического равенства и правильной иерархичности в отношениях между людьми очень трудно помыслить и создать потому, что для обычного, естественного (= падшего) человека естественно конвертировать своё высокое социальное положение и в экономические преимущества и привилегии. Экономическое равенство при неравенстве социальном (семейные отношения, политическая власть, культура

и идейная сфера и др.) требует такого самоотвержения и идеальности, которая не под силу подавляющему большинству людей.

О том, что коммунизм нужно постараться взять и понимать лишь как экономическое понятие, но дополнить его как экономическое учение традиционным консервативным социально-политическим содержанием, в XIX веке по-своему предлагал К. Н. Леонтьев, в конце XX века — наш современник В. Л. Карпец. Но исторически мы видим, что реальный коммунизм опирается на определённую метафизику и антропологию, которая в своих корнях противоречит исходным консервативным представлениям и установкам. Пожалуй, в исторической реальности среди наиболее приближающихся к подобному синтезу типов мы можем назвать, во-первых, иерусалимскую общину первых христиан из «Деяний апостолов» и, во-вторых, христианский монастырь как тип человеческой общности и организации. Но монастырь (в котором есть и иерархия, и экономическое равенство) — это, так сказать, уже неестественный социум, совокупность людей, решивших отказаться от мира и общества как такового. В истории же подобный полноценный синтез возможен, наверно, лишь в очень редкие моменты истории, когда Бог оказывается особенно близок, в моменты наибольшего горения духа.

Таким образом, мы рискуем утверждать, что программа левоконсервативного синтеза или социал-традиции носит весьма эклектический характер, потому что всё же составлена из двух разнородных частей. Тем не менее мы парадоксальным образом убеждены в своевременности и нужности этой программы. Время классического консерватизма, прямо опирающегося на Церковь, религию, земельную аристократию, крестьянство и сословное общество и др., безвозвратно ушло. Сегодня мы в России, учитывая нашу историю, особенно XX века, в каком-то смысле обречены на эклектичный консерватизм, на попытки сочетать разнородное — в той степени, в какой разнородной и разорванной является наша история. Время цельных идеологий ушло уже в принципе. Либерализм — последняя глобальная идеология, которая ещё не сдала свои позиции. Социал-традиционализм же или левоконсервативный синтез, во-первых, берёт лучшее из разных идеологий и, во-вторых, соответствует русской истории XIX–XX веков.

Мы теряем в цельности, но ведь идеология, как и политика, — это тоже искусство возможного. Сегодня, наверно, можно только так. Идеологическая цельность уходит вместе с «веком идеологий», а на смену

неизвестно на какое время приходит идеологический эклектизм как переходная ступень к чему-то новому и пока неведомому.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1873 // Полное собрание сочинений : в 30 т. — Л. : Наука, 1980. — Т. 21. — С. 5–136.

Достоевский Ф. М. Дневник писателя. 1881. Январь // Полное собрание сочинений : в 30 т. — Л. : Наука, 1984. — Т. 27. — С. 5–40.

Кирпотин В. Я. Достоевский и Белинский. — М. : Художественная литература, 1976. — 301 с.

Михайловский Н. К. Литературные и журнальные заметки. Январь 1873 г. // Отечественные записки. — 1873. — Т. ССVI, № 1. — С. 133–161.

Михайловский Н. К. Сочинения. — СПб. : Ред. журн. «Русское богатство», 1896. — Т. 1. — 970 с.

Льюис К. С. Просто христианство // Христианство / К. С. Льюис — М. : АСТ, 2020. — С. 109–320.

Пуцаев Ю. В. Отношение К. Н. Леонтьева к коммунизму/социализму. О несостоявшемся «союзе социализма... с русским самодержавием и пламенной мистикой» // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. — 2019. — № 1 (81). — С. 71–88.

Сигал Л. Похитители сабинянок // Век XX и мир. — 1991. — № 4. — С. 12–21.

Щипков А. В. Левый консерватизм // По-другому. — М. : Торговый дом «Абрис», 2017. — С. 43–64.

Щипков А. В. От составителя // Перелом. — М. : ПРОБЕЛ-2000, 2013. — С. III–VIII.

Щипков А. В. От составителя // По-другому. — М. : Торговый дом «Абрис», 2017. — С. 5–10.

Щипков А. В. Похищение русской идентичности // По-другому. — М. : Торговый дом «Абрис», 2017. — С. 134–159.

Щипков А. В. Социал-традиция. — М. : АСТ-ПРЕССА КНИГА, 2017. — 320 с.

Сведения об авторе:

Пуцаев Юрий Владимирович — кандидат философских наук, старший научный сотрудник философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, старший научный сотрудник ИНИОН РАН, 119234, Россия, Москва, Ломоносовский проспект, 27, к. 4, e-mail: putschaev@mail.ru

Конфликт интересов:

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 04.10.2022; одобрена после рецензирования 23.11.2022; принята к публикации 01.12.2022.

The Program of Alexander Shchipkov's Social Tradition or Synthesis of Left Wing and Conservatism: Its Opportunities, Conditions and Problems⁴

Yu. V. Pushchaev

LOMONOSOV MOSCOW STATE UNIVERSITY,
MOSCOW, RUSSIA

Abstract. The article explores the concept of the social tradition and the program of the synthesis of the left wing and conservatism put forward by the political philosopher, publicist and public figure Alexander Shchipkov. These subjects are assessed as a logical and appropriate attempt to formulate a conservative ideology that would be actual for modern Russia while relying on the historical experience and social background of the country and corresponding to the Russian history of the 19th–20th centuries. The term “Social Tradition” is similar to the term “Synthesis of Left Wing and Conservatism”, where “social” is loaded with positive and moderate

---

⁴ This paper is an expanded and revised version of the article «Alexander Shchipkov's Synthesis of Left Wing and Conservatism» by Iurii Pushchaev, previously published in the journal: *Social and Humanitarian Sciences. Domestic and Foreign Literature. Series 3: Philosophy. Abstract Journal* — 2019 — No. 1 — pp. 27–36.

leftist content, as far as it can be deemed possible to combine it with traditional and historically conservative content. The term “tradition” can be characterized here by what is usually understood in this concept as conservatism. The paper notes the importance of the Soviet specifics and the correct assessment of the Soviet period of the Russian history for the successful possibility of this synthesis. The article briefly discusses the attempts of synthesis of socialism (left wing) and conservatism (tradition and traditionalism) that preceded in the history of the Russian social thought. It also points out a problem this program has: the left tradition demands the total equality, both economic and social, while the classical conservatism has always insisted on the principles of hierarchy and class stratification of the society. In this regard, the essential eclecticism of this program put forward by Alexander Shchipkov can be noted. At the same time, it is emphasized that the time of integral classical conservatism, which directly relied on religion and class stratification of the society, is now the irrevocable yesterday. Today, in a sense, we are condemned to eclectic conservatism and attempts to combine incompatible. Social traditionalism or synthesis of left wing and conservatism, firstly, takes the best from different ideologies, and, secondly, best corresponds to the Russian history of the 19th-20th centuries. The ideological integrity goes away along with the “age of ideologies”. The ideological eclecticism comes to replace it, and nobody knows for how long. This can be taken as a transition step to something new and yet unknown.

Keywords: social tradition, left-wing conservative synthesis, conservatism, socialism, Soviet era, tradition, justice

For citation: PushchaeV, Yu. V. (2022). The Program of Alexander Shchipkov’s Social Tradition or Synthesis of Left Wing and Conservatism: Its Opportunities, Conditions and Problems. *Orthodoxia*, (2), 48–70. [In Russian]. DOI: 10.53822/2712-9276-2022-2-48-70

REFERENCES:

- Dostoevsky, F. M. (1980). Dnevnik pisatelya. 1873 [A Writer’s Diary. 1873]. In *Complete works in 30 volumes* (Vol. 21, pp. 5–136). Leningrad: Nauka. [In Russian].
- Dostoevsky, F. M. (1984). Dnevnik pisatelya. 1881. Ianvar’ [A Writer’s Diary. 1881. January]. In *Complete works in 30 volumes* (Vol. 27, pp. 5–40). Leningrad: Nauka. [In Russian].

Kirpotin, V. Ia. (1976). *Dostoevsky i Belinsky* [Dostoevsky and Belinsky]. Moscow: Khudozhestvennaia literatura. [In Russian].

Lewis, K. S. (2020). Prosto khristianstvo [Just Christianity]. In *Khristianstvo* [Christianity] (pp. 109–320). Moscow: AST. [In Russian].

Mikhailovsky, N. K. (1873). Literaturnye i zhurnal'nye zametki. Ianvar' 1873 g. [Literary and Journal Notes. January of 1873]. *Otechestvennyye zapiski*, CCVI(1), 133–161. [In Russian].

Mikhailovsky, N. K. (1896). *Sochineniia* [Works] (Vol. 1). Saint Petersburg: Red. zhurn. "Russkoe bogatstvo". [In Russian].

Pushchaev, Yu. V. (2019). Otnoshenie K. N. Leont'eva k kommunizmu/sotsializmu. O nesostoiavshemsia "soiuze sotsializma... s russkim samoderzhaviem i plamennoi mistikoi" [K. N. Leontiev's Attitude to Communism/Socialism. About the Failed "Alliance of Socialism ... with the Russian Autocracy and Fiery Mysticism"]. *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serii 1: Bogoslovie. Filosofii. Religiovedenie*, 81(1), 71–88. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2013). Ot sostavitelia [From the Compiler]. In *Pere lom* [Turning Point] (pp. III–VIII). Moscow: PROBEL-2000. [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2017). Levyy konservatizm [Left-wing Conservatism]. In *Po-drugomu* [In a Different Way] (pp. 43–64). Moscow: Torgovyi dom "Abris". [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2017). Ot sostavitelia [From the Compiler] (pp. 5–10). In *Po-drugomu* [In a Different Way]. Moscow: Torgovyi dom "Abris". [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2017). Pokhishchenie russkoi identichnosti [Abduction of the Russian identity] (pp. 134–159). In *Po-drugomu* [In a Different Way]. Moscow: Torgovyi dom "Abris". [In Russian].

Shchipkov, A. V. (2017). *Sotsial-traditsiia* [Social Tradition]. Moscow: AST-PRESSA KNIGA. [In Russian].

Sigal, L. (1991). Pokhitali sabinianok [The Abductors of the Sabine Women]. *Vek XX i mir*, 4, 12–21. [In Russian].

About the author:

Yuri Vladimirovich Pushchaev — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher at the Faculty of Philosophy at Lomonosov Moscow State University, Senior Researcher at Institute of Scientific Information on Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, 27-4, Lomonosovsky prospect, Moscow, Russia, 119234, e-mail: putschaev@mail.ru

Conflict of interest:

The author declares no conflict of interests.

The article was submitted 04.10.2022; approved after reviewing 23.11.2022; accepted for publication 01.12.2022.